

Тишина. Мертвая, давящая тишина.

Жуань Вэньюй, застыв, медленно повернул голову и увидел, что Мо Цзиньхань лежит на боку и пристально, не мигая, смотрит прямо на него.

Э-э...

Вопрос: что делать, если человек, которого ты в мыслях и вслух проклинал, лежит рядом и смотрит на тебя?

Жуань Вэньюй решил напасть первым:

— Ты чего вдруг заговорил? Разве ты не спал?

Мо Цзиньхань скользнул взглядом по краю одеяла, которое сползло с живота Жуань Вэньюя, когда тот повернулся, а затем снова посмотрел на него:

— Проснулся от холода.

— ... — Это была его собственная вина.

Жуань Вэньюй тут же натянул одеяло на голову, пытаясь спрятаться от неловкости, но тут же понял, что это выглядит как признание вины. Он решительно откинул одеяло, сел и холодно произнес:

— Тогда я схожу принесу тебе другое одеяло.

Сказав это, он поджал губы и нахмурился, даже не взглянув на него, — вид у него был такой, будто к нему лучше не приставать.

Возможно, он не совсем правильно понимал значение слов холодный или жестокий, или же просто не осознавал, что в таком состоянии он невероятно притягателен. Иначе как объяснить, что каждый раз, когда он пытался огрызаться, это попадало прямо в сердце Мо Цзиньханя.

Мо Цзиньхань протянул руку, притянул его к себе и, накрыв их обоих одеялом, лишил всякой возможности сбежать.

Мир мгновенно погрузился во тьму. В тесном пространстве, где соприкасались их тела, дыхание стало прерывистым, а сердцебиение — жарким и учащенным.

Жуань Вэньюй невольно затаил дыхание и прижал руку к груди, словно боясь, что тот услышит

его тайну.

— Не нужно одеяло, — прошептал Мо Цзиньхань у него за спиной, и его дыхание опалило кожу на шее. — Вдвоем будет теплее.

Кому нужно спать с этим мерзавцем?

Жуань Вэньюй мысленно обругал его, спохватился, что его жест с прижатой к груди рукой выглядит глупо, и поспешно опустил её. Затем он схватил руку Мо Цзиньханя, лежащую у него на поясе, и с силой оттолкнул её:

— Где это видано, чтобы господин спал с прислугой?

— Господин и прислуга? — Мо Цзиньхань повторил его слова, едва слышно усмехнувшись.

Жуань Вэньюй успел уловить лишь этот звук, как вдруг голос снова донесся до его слуха:

— Жуань Вэньюй, в чьем доме прислуга спит в главной спальне?

Жуань Вэньюй подумал про себя: это ты сам так устроил.

Затем последовал новый вопрос:

— В чьем доме прислуга живет в роскоши, а господин обязан укладывать его спать и кормить с рук, чтобы тот не плакал?

Жуань Вэньюй вспомнил свои детские выходки и почувствовал, как лицо заливают краской. Он не смог вырваться из его хватки и просто закрыл уши руками.

Если не слышать, то и вспоминать не придется.

Однако Мо Цзиньхань не собирался его отпускать:

— И в чьем доме прислуга требует, чтобы господин встречал его из школы, иначе он закатывает истерику?

Жуань Вэньюй продолжал закрывать уши. Он был прав: Мо Цзиньхань — настоящий негодяй. Раз он помнит все эти мелочи, значит, прекрасно понимает, что делает. Но он продолжает вести себя двояко: то проявляет немыслимую заботу, то становится до жути холодным.

После таких эмоциональных качелей кто поймет, что у него на уме? Почему он так добр к нему? И в какой момент ему станет скучно, и он решит выбросить его, как ненужную вещь?

С другой стороны, за три года разлуки Мо Цзиньхань стал как-то разговорчивее. И настойчивее. Раньше он никогда так не цеплялся за него.

Мо Цзиньхань убрал его руки от ушей и продолжил:

— Ты осознал свое положение?

Жуань Вэньюй чувствовал себя так, будто его бросили в кипяток — жарко было повсюду.

От этого жара голова шла кругом, и в их разговоре он начал улавливать нечто такое, что среди холодной дождливой ночи, полной страха, заставило его сердце невольно согреться.

Несмотря на то, что над ним продолжали издеваться, его мысли начали путаться, устремляясь к тому, чего он больше всего желал, но боялся получить — к ясному ответу.

Жуань Вэньюй приказал себе остановиться и снова прибег к тактике неопределенного мычания, показывая, что он сдается и не хочет спорить, лишь бы закончить этот разговор.

Потому что он боялся: если продолжить, то всё это особое отношение сведется к простому: я отношусь к тебе как к младшему брату.

А Жуань Вэньюй вовсе не хотел быть ему просто братом.

Конечно, он боялся. В конце концов, его когда-то подобрали, между ними нет никаких кровных уз, и в документах он не числится членом семьи Мо.

Он был чужаком, до мозга костей.

По мере того как обсуждение их отношений углублялось, Жуань Вэньюй понимал: если Мо Цзиньхань осознает, что он — лишь необязательное дополнение, и действительно выставит его за дверь, то у него не останется ни капли тепла...

— Почему ты молчишь? — Мо Цзиньхань слегка ущипнул его за щеку, заставляя вернуться в реальность. — Отвечай серьезно.

— Господин и прислуга, — твердо ответил Жуань Вэньюй. Пока Мо Цзиньхань не скажет всё прямо, он никогда не признает иного статуса.

Мо Цзиньхань слегка дернул бровью:

— Ты хочешь таких отношений?

При чем тут его желания? Всё и так запутано, какие еще отношения могут быть между ними, кроме как господина и слуги? Жуань Вэньюй со злостью отодвинулся, пытаясь отстраниться, но получил шлепок пониже спины.

— Чего ты ерзаешь?

Тело Жуань Вэньюя напряглось. Он запоздало осознал одну вещь: то расставание заставило его понять свои чувства, а теперь, вернувшись, он стал двадцатидвухлетним взрослым мужчиной, как и Мо Цзиньхань.

Изменение чувств означало, что совместный сон теперь имеет совсем иной подтекст.

Только представьте: два взрослых мужчины, оба без опыта отношений, полные сил, и один из них к тому же скрывает тайную влюбленность... Ситуация была сложной, тонкой, опасной и...

В общем, он побоялся пошевелиться.

В комнате воцарилась тишина. Прошло много времени, и Мо Цзиньхань уже решил, что тот заснул, и собирался откинуть одеяло, когда услышал приглушенный голос:

— Мне уже двадцать два года.

— Я знаю, — ответил Мо Цзиньхань.

Жуань Вэньюй глубоко вдохнул и выдохнул, чувствуя, как пылает лицо, и выдавил из себя:

— Ты больше не можешь так со мной обращаться.

Мо Цзиньхань повторил его слова:

— Так — это как?

Тон его звучал так, будто он действительно не понимает, о чем речь. Жуань Вэньюй ему не верил. Мо Цзиньхань — черная душа.

Стоило вернуться, как тот сразу принялся его задираť. Он даже не спросил, как прошли эти

три года, не объяснил, почему отослал его тогда, и не сказал, почему сейчас позволил вернуться.

Три года тишины, а при встрече — лишь брошенное вскользь замечание о том, что он похудел, словно это всё, что его волновало. Холодность была просто невероятной.

Ему просто на него плевать.

Жуань Вэньюй натянул одеяло, высунул голову наружу и, по-прежнему повернувшись к нему спиной, холодно произнес:

— Не хочу с тобой играть. Я спать.

Мо Цзиньхань откинул мешающее одеяло и бросил взгляд на настенные часы. Всего лишь немного поспорили, а время пролетело незаметно.

— Спи.

Жуань Вэньюй в ответ лишь тихо хмыкнул и, отодвинувшись подальше, закрыл глаза.

Мо Цзиньхань не стал притягивать его обратно. Он просто смотрел на него: на мягкие черные волосы, на белую, беззащитную шею. Дыхание Жуань Вэньюя выровнялось, дождь за окном утих, и шум стих.

Всё вокруг замерло, словно весь мир наконец обрел покой.

Ни грозы, ни ветра. Мо Цзиньхань мог спокойно смотреть на него, прислушиваясь к чувствам, которые пробуждал в нем этот человек.

Неизвестно, сколько прошло времени, но спящий Жуань Вэньюй, ища источник тепла, прижался к нему. Мо Цзиньхань обнял его и, наконец, закрыл глаза, погружаясь в сон.

<http://bllate.org/book/20910/2114582>